

КИТАЙСКО-АРМЯНСКИЕ КОНТАКТЫ

Ирина Минасян

История многовековых китайско-армянских контактов все еще плохо изучена, а работы, посвященные ей – немногочисленны [1, сс. 326–333; 2, 3, сс.147–156; 4, pp. 17–24]. Весьма мало изучена даже относительно недавняя история армянской диаспоры в Китае в первой половине XXв., когда численность армян и уровень самоорганизации общин диаспоры был максимальным [5, с. 22; 6, 7, сс. 81–82, 97]. Связано это, прежде всего, с тем, что значительная часть источников, связанных с жизнью диаспоры того времени, не сохранилась. Тем не менее имеющиеся сведения позволяют восстановить наиболее важные параметры происходивших в армянских общинах Китая процессов.

Армянская община Китая имела несколько центров локализации. К концу XIXв. немногочисленные группы этнических армян в Китае проживали в Макао и Гонконге¹.

Однако армяне имели теснейшие экономические связи с Южным Китаем еще задолго от этого. С 1685г., после того как Китай официально открыл порт Макао для иностранной торговли, армяне начали вести активные деловые операции в этом регионе. Обладая налаженными контактами в третьих странах, в частности России, Индии, Иране, а также располагая товарами, пользующимися огромным спросом, армяне весьма благожелательно принимались и в важнейшем пункте международной торговли Кантоне (Гуанчжоу). Причем армяне являлись купцами, не привязанными к крупным монопольным компаниям, что предоставляло им большое поле для сво-

^{*} Аспирант Института стран Азии и Африки при МГУ.

¹ Hong Kong government reports online (1853–1941). Доклад о результатах переписи населения колонии за 1897 год, <http://sunzi1.lib.hku.hk/hkgro/index.jsp>.

бодной деятельности. В поле их деятельности были как объемные грузовые перевозки, так и предметы роскоши: изделия из драгоценных камней, жемчуг, различные сорта агата и янтаря. Все это, попав на материк, быстро скупалось китайцами, что приносило баснословные доходы армянским коммерсантам [8, р. 25].

Китайские армяне также прославились научно-просветительской деятельностью. Так, один из братьев знаменитого в Макао армянского клана Джоаннес Лассар (Ованес Казарян), отличающийся большими способностями к языкам, вошел в историю как первый человек, переведший Библию на китайский язык (1813г.).

Другим выдающимся китайским армянином был сэра Пол Чатер, или Каджик Аствацатрян. Небезосновательно считается, что он внес неоценимый вклад в экономическое развитие Гонконга. С именем этого крупнейшего землевладельца, банкира, члена законодательного и исполнительного советов связаны почти все важнейшие мероприятия, осуществлявшиеся на острове. Благодаря ему, в частности, был осуществлен масштабный проект по расширению береговой полосы, на которой были созданы крупнейшие фабрики и за короткий период были выстроены здания, кардинально менявшие весь внешний вид города. Он активно вкладывал средства в развитие самых различных областей жизни острова – энергетику, горнодобывающую промышленность, банковское дело, недвижимость, строительство инфраструктуры, фондовый рынок. Уроженец Калькутты, он также был самым крупным благотворителем индо-армянской общины¹.

Появление первых относительно крупных армянских общин на территории Китая связано с постройкой и последующей работой КВЖД, когда в Харбине и на станциях дороги селятся подданные Российской империи. В дальнейшем к ним присоединятся многочисленные беженцы, перебравшиеся в Маньчжурию в ходе Гражданской войны или после ее окончания. Как в первом, так и во втором случае среди них были армяне.

Армянская диаспора в Китае в те годы имела несколько центров расселения. Самой крупной из эмигрантских общин была маньчжурская с центром в Харбине. В первой половине XXв. немногочисленные армянские об-

¹ Zeda Jueshi, <http://baike.baidu.com/view/6556883.htm>; Zeda Jueshi yu Xiang Gang Zeda yinghang. Газета Цзин Бао. Гонконг, 16.06.2007, <http://huahui.tymq.com/space-18206-do-blog-id-56973.html>.

щины также были основаны в Шанхае, Чанчуне, Тяньцзине, Циндао и других городах.

С целью консолидации армян в начальный период адаптации к новым условиям в 1917г. в Харбине было основано Армянское национальное общество под председательством видного деятеля армянской общины доктора С.Мигдисова. В городе даже действовал армянский молитвенный дом, где регулярно проводились богослужения [9]. А уже к 1923г. местная община построила свою церковь Св. Григория Просветителя (позже разрушенную в годы «культурной революции»). У Общества армян Харбина в дальнейшем появились свои отделения во многих городах Маньчжурии – Синьцзине (совр. Чанчунь), Хайларе, Цицикаре и других городских и линейных пунктах.

Армяне были одной из наиболее деятельных групп в составе российских эмигрантов. Не прошло и нескольких лет, как в центре Харбина на Пристани, по улице Китайской, появились армянские торговые предприятия, фабрики, фотоателье, пекарни и рестораны.

Первоклассная гостиница «Отель Палас» на Пристани, принадлежала Г.Мхитарянцу. Обувные фабрики «Арменія» и «Т-во Адаянц» расположились на Китайской, 49, и Китайской, 63, фирма по производству обуви братьев Атоян – на Китайской, 5. Успешно вела торговлю кондитерская Аспетян. Магазин хозяйственных товаров по Китайской, 5, содержал П.А.Сукоянц. Любители кавказской кухни посещали рестораны «Самсон» З.Аветикова, «Татос» и другие. Последний является самым старым и известным тогда рестораном в Харбине, славившемся отменной европейской и кавказской кухней. В 1901г. его открыл армянин Татос Григорьевич Тер-Акопов (он же в 20-е годы основал первую в Харбине винодельню). Заведение быстро снискало огромную популярность среди местной публики. Газета «Синь ваньбао» отмечает, что среди завсегдатаев ресторана был цвет харбинского общества – иностранные дипломаты, работающие и живущие в Харбине, представители артистических кругов, видные общественные деятели и т.д. «Татос» также был излюбленным рестораном Федора Шаляпина на время его гастролей в Харбине. В дальнейшем в годы японской оккупации ресторан неоднократно менял свое название и хозяев. Сегодня он снова работает под прежним именем, а само здание охраняется государством [10].

Общую численность армян в Китае до последнего времени установить было довольно трудно. В собственно эмигрантских документах и средствах массовой информации тех лет данные о количестве армян в Китае встречаются редко и весьма приблизительны. При этом эмигрантская пресса имела заметную тенденцию занижать число армян в Маньчжурии и в Китае в целом. Это, во-первых, объясняется тем, что многие эмигранты, включая и армян, по разным причинам избегали официальной регистрации. Кроме того, в архивных документах и других источниках зачастую фигурирует лишь понятие «русская эмиграция», применяемое ко всем без исключения выходцам из России, независимо от их этнической принадлежности, что также, безусловно, негативно влияет на достоверность статистики.

Некоторые исследователи в связи с этим вообще ограничиваются указанием на существование «немногочисленной армянской общины, численность которой не поддается определению из-за отсутствия архивных данных» [6, с. 23]. Тем не менее имеющиеся источники дают весьма определенное представление о количестве армян в Китае.

Так, сохранившееся в фондах Национального архива Армении «Постановление Эчмиадзинского Католикосата относительно избрания председателя армянской общины Харбина» за 1933-1934гг. содержит следующие сведения о численности армян в отдельных населенных пунктах Китая: Маньчжурия (по всей видимости, в источнике подразумевается город Маньчжоули на границе с Забайкальем) – 160, Харбин – 560, Чанчунь – 78, Мукден (Шэньян) – 45, Шанхай – 90, Тяньцзинь – 70, Гонконг – 20, другие китайские города и населенные пункты – 200 человек [11]. Таким образом, можно утверждать, что общая численность армянской колонии в Китае в указанный период составляла более 1200 человек (всего же на территории Китая находилось, по разным данным, более 100 тысяч эмигрантов из Российской империи).

Однако даже такая относительно немногочисленная диаспора сумела создать достаточно богатую армянскую культурную и общественную жизнь в Китае. При этом в Китае, по воспоминаниям эмигрантов, им была предоставлена широкая духовная свобода и возможность сохранять свой уклад жизни – китайские армяне создавали молодежные кружки, различные организации социальной защиты и другие общественные объединения.

Обратной стороной «свободы» эмигранта была его правовая и социальная незащищенность, особенно остро ощущавшиеся в условиях тяжелой социальной и экономической ситуации в Китае тех лет (страна была охвачена гражданской войной, царил правовой произвол, большие масштабы приобрела преступность).

В связи с этим эмигранты в поисках лучшей доли, а также из соображений безопасности вынуждены были или уезжать из Китая или мигрировать в более безопасные места в пределах страны.

Таким местом был, прежде всего, Шанхай, который стал вторым по величине центром армянской эмиграции в Китае. Сюда армяне, вместе с другими российскими эмигрантами, стали переселяться из северо-восточных районов страны еще в 1920-х годах. Это объясняется, во-первых, в целом более благоприятной экономической ситуацией в Шанхае; во-вторых, большей правовой защищенностью жителей Международного селтльмента и Французской конфессии; в-третьих, событиями, связанными с конфликтом между Китаем и СССР в 1929г., которые негативно сказались на жизни эмигрантов. Русских и русскоязычных в этом огромном многоликом городе к середине 30-х годов проживало уже более 20 тысяч.

Через несколько лет в Шанхае также стали появляться организации армянской диаспоры, чья деятельность стала особенно актуальной в конце 1930-х годов, после начала китайско-японской войны и ухудшения социально-политической ситуации в стране. Именно в этот период, в 1938г., там создается Армянское благотворительное общество. В него вошли почти все без исключения армяне, проживающие в «Восточном Париже», как некогда называли Шанхай.

Благотворительная деятельность армян в Китае, разумеется, велась и вне пределов общины. Примером бескорыстного служения обездоленным был доктор С.Г.Мигдисов. В Харбине даже существовал ночлежный дом, названный его именем. После его кончины в 1933г. ежегодно в течение более десяти лет армяне, а также представители других национальных общин в скорбную дату неизменно устраивали заупокойные службы. В 1944г. в день панихиды по доктору спустя одиннадцать лет после его смерти в эмигрантской газете «Время» говорилось: «Втайне от всех творя щедрую милостыню, он, как

истинный христианин, не делал различия между национальностью всех тех, кто к нему обращался <...> Память этого врача-бессребреника старой русской школы чтут до сих пор многие русские харбинцы. С благодарностью вспоминают его светлое имя те, кого д-р Мигдисов за свою долголетнюю службу в полицейском приемном покое вырвал из лап смерти» [12].

Другой представитель армянской общины М.Г.Мелик-Нубаров, как сообщалось в печати тех лет, был единогласно выбран председателем общеэмигрантского Собрания Благотворительного общества при детском приюте имени Николая II в городе Циндао [13].

Представлены были армяне и политических структурах, объединявших эмигрантов из Российской империи и СССР.

Так, в спортивно-патриотической организации «Русский Сокол», официальной целью которой было нравственное и физическое воспитание молодежи, одним из пяти членов ревизионной комиссии ее шанхайского отделения был П.Г.Бегларьянц. Примечательно, что занимал он ее в обществе, которое в своей работе выходило далеко за рамки спортивной гимнастики, придерживаясь принципа «быть русскими и врагами коммунистов» [14].

После японской оккупации Маньчжурии и создания Маньчжоу-го, а затем Маньчжоу-диго новые власти взяли курс на идеологическую обработку местных жителей, в особенности российских эмигрантов, в которых они видели потенциальных союзников в борьбе с коммунистами. Инструментом такого воздействия и административного контроля стало специально учрежденное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, просуществовавшее десять лет (до 1945г.).

В этот период эмигранты были вынуждены демонстрировать свою лояльность новому режиму. «Работая на благо приютившего нас государства, – говорилось в докладе представителя Бюро М.Матковского, – отдавая ему свою инициативу, свой труд, свою энергию, иногда даже свои жизни, российская эмиграция не забывает основной своей сущности. В силу принципа дружественного сотрудничества народов, живущих в Маньчжурской Империи, каждый народ, независимо от своего количества может жить сообразно своей исконной вере, своим историческим традициям и своему народному быту и свободно творить свою национальную культуру» [15].

В то время армяне вместе со всеми остальными российскими эмигрантами в Маньчжурии активно участвовали в широко пропагандируемой кампании по сдаче платиновых предметов для военных нужд, устраивали сбор пожертвований в фонд японской армии и раненых воинов, обучались на курсах японского языка. Фамилии многих из тех, кто, например, сдал различные вещи домашнего обихода из меди и железа, указывались в газетах поименно, иногда с обозначением их общин.

Армян можно было встретить и среди функционеров БРЭМ. Наиболее заметными фигурами среди них были *Гурген Енгоянц (начальник молодежного отдела этой организации)* и *Лев Мелик (арбитражный судья)*.

Армянские женщины также были вовлечены в общественно-политическую жизнь российской эмиграции в Маньчжурии тех лет. Так, председателем армянской колонии в правлении российского сектора Женской организации содействия государственной обороне в течение пяти лет была К.А.Исамян-Плавкова. В 1944г. ее сменила Т.Р. Суринова [16].

Во многом участие в делах официальных структур Маньчжоу-диго была вынужденной. В этом отношении показательна судьба командира русской бригады в составе маньчжурской армии, подполковника Гурген Наголяна. После поражения Японии, по воспоминаниям одного эмигрантов, Наголяна можно было встретить на улицах Харбина уже в мундире капитана РККА (он оказался советским разведчиком).

В армянских общинах большое внимание также уделялось сохранению исторической памяти и развитию армянской культуры. Сообщения о работе такого рода можно найти на страницах эмигрантских изданий тех лет. Так, в газете «Шанхайская заря» за 1936г. всех шанхайских армян поздравляли с одним из самых значительных национальных праздников – «Вардананц тоном» – в память армянского национального героя Вардана Мамиконяна, который в Vв. отстоял христианскую Армению от попыток обратить ее в язычество. Описав вкратце знаменитую битву 451г. с персами на фоне портрета великого полководца, заметка напомнила членам армянской колонии о предстоящем праздничном ужине [17]. Более скромно, ввиду сложностей военного времени, этот же праздник отмечали в 1940-е годы. При этом, однако, даже в 1944г. в рамках мероприятий, связанных с празднованием

«Вардананц тона», в помещении Армянского общества на Садовой улице в Харбине был поставлен спектакль «На Аварайрском поле» в исполнении членов кружка армянской молодежи под управлением К.А.Исакян-Плавковой. В этот же день «старинные классические стихи, песни и народные мелодии читали, пели и играли на фортепиано Е.Суринова, Э.Ованесова, С.Антоньян, А.Ованесов, Е.Кананьян и Н.Азатьян. Со словами о значении праздника для армян также выступил и вице-председатель Армянского общества Г.Г.Аветисов» [18].

Финансовую основу деятельности Общества составляли пожертвования армянских коммерсантов. В целом, в Китае в армянских общинах можно было встретить представителей всех социальных слоев: от бездомных бродяг до деловых людей и образованной интеллигенции.

Иногда в газетах появлялись такие сообщения:

«Найденный 14 октября утром, в одном из проходов пассажа 134 по рут Валлон, труп неизвестного европейца, как выяснилось, принадлежал Апту Шаратсяну, 44 лет, армянину по национальности. <...> Как оказалось, Шаратсян неоднократно состоял под судом, будучи задержанным за нищенство и попрошайничество, и не раз высылался с концессии, куда самовольно возвращался. <...> Никого родных у Шаратсяна в Шанхае не нашлось, и он был похоронен за муниципальный счет» [19].

Также в одном из эмигрантских изданий приводилась ночлежная статистика, из которой следует, что в 1925г. шестеро армян воспользовались приютом в харбинском ночлежном доме [20].

Тем не менее есть основания считать, что число тех, кто мог себя прокормить, значительно превышало количество бедняков и малоимущих. Можно даже говорить о наличии довольно значительной процветающей прослойки шанхайских и харбинских армян того времени. Армянская община Шанхая также была известна множеством богатых предпринимателей, представлявших собой влиятельную силу. Так, широкой сетью кондитерских фабрик и магазинов по всему Шанхаю владели активнейшие и популярные в среде соотечественников братья Чакальян, чья марка с определенного момента почти не нуждалась в рекламе. Когда в 1939г. после продолжительной болезни умер один из братьев Крикор Христоворович Чакальян, газета «Слово» писала:

«Он умер еще далеко не старым, в возрасте 58 лет <...> После покойного осталась вдова, два взрослых сына и внуки. Весть о кончине К.Х.Чакальяна быстро стала известна во всех кругах шанхайского общества, вызвав искреннее соболезнование среди знавших покойного коммерсанта. Похороны покойного состоятся сегодня на кладбище Люкавей, после заупокойной литургии, которая будет совершена в 9-ть часов утра в католическом соборе Св. Петра на авеню Дюбай» [21]. Среди армян Шанхая были и другие яркие личности, успешные коммерсанты, врачи, артисты, промышленники.

В этом отношении судьбы армянской общины похожи на судьбу всех выходцев из России в Шанхае того времени. Авеню Жоффер, где в основном селились российские эмигранты, постепенно превратилась в одну из самых оживленных торговых улиц Шанхая. Со временем выходцы из России заняли там лидирующие позиции в ряде сфер бизнеса. В городе не было ни одного магазина женского платья, открытого другими иностранцами. Почти все лучшие фотоателье, парикмахерские и кондитерские магазины из числа принадлежавших иностранцам, были открыты российскими эмигрантами [7, с. 509]. На этой улице, в частности, разместились ресторан «Алла-Верды» Е.Г.Саркизова, фирма В.С.Атоянц по производству и оптово-розничной торговле мягкой кожаной обувью.

После 1945г. начался закат российской эмиграции в Китае. Этот период характеризуется массовым выездом эмигрантов в СССР или третьи страны и резким сокращением их численности. Одновременно предпринимаются попытки «советизировать» эмиграцию, приобщив ее к новой культуре и ценностям. Затронул этот процесс и армянскую общину. Так, Армянский клуб Харбина и его руководитель К.А.Псакиан попросили Всесоюзное общество культурной связи с заграницей «прислать ряд материалов и нот» на родном языке. В пересылаемом для армянского клуба Харбина списке материалов, подготовленных Армянским обществом культурной связи с заграницей – Государственный гимн Армянской ССР, «Этнографический сборник» Комитаса, «Гимн вождю» А.Сатяна [22, сс. 73–74]. Окончательный исход российских эмигрантов из КНР пришелся на начало 1960-х гг. Тогда же заканчивается и данный этап истории армянской общины в Китае. Вновь армянская диаспора появится в КНР уже в 1990-е годы.

Таким образом, армянская община Китая XX века была частью эмиграции, пришедшей в Китай в основном с территорий бывшей Российской империи, и во многом имела с ней общую судьбу, сохраняя при этом свой язык, религию, культуру и историческую память. Проявив себя опытными и предприимчивыми работниками, члены общины сумели оставить после себя весомое наследство, а также завоевать уважение и расположение к себе эмигрантской общественности и контактировавших с ними китайцев.

Исторический опыт армян в Китае показывает, что при определенных условиях конкурировать с китайцами на китайской земле вполне возможно, особенно при наличии спроса на уникальные услуги и товары, которые китайский бизнес не может удовлетворить.

Январь, 2012г.

Источники и литература

1. *Абрамян А.Г.*, Краткий очерк истории армянских переселенческих очагов. – Ер., 1967 (на арм. яз.).
2. *Тер-Мкртчян Л.Х.*, Армяне в Китае // XI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. II. – М., 1980.
3. *Бахчинян А.*, Армянская церковная жизнь Харбина // Историко-филологический журнал, т.1. – Ер., 2009.
4. *Bedrosian R.*, China and the Chinese according to 5–13th century classical Armenian sources // *Armenian Review*. Vol. 34, No.1-133.
5. *Мелихов Г.В.*, Белый Харбин: середина 20-х. – М., 2003.
6. *Аурилене Е.Е.*, Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). – Хабаровск, 2008.
7. *Ван Чжичэн*, История русской эмиграции в Шанхае. – М., 2008.
8. *Smith, Van Dyke*, Armenian footprints in Macao. – Cultural institute of the Macao SAR Government, 2003.
9. Армянское богослужение // Русский голос. 23.X.1920 (Харбин).
10. «Та даосы» ин сян // Синь ваньбао (на кит.яз.). 23.03.2010 (Сянган).
11. Национальный архив РА. Фонд Высшего духовного совета Св. Эчмиадзина. Дело № 4732.
12. Жизнь национальных колоний. Армянская // Время. 08.11.1944 (Харбин).
13. Русские в Циндао. Собрание Благотворительного Общества // Слово. 28.03.1932 (Шанхай).
14. За год в «Русском Соколе» // Слово. 08.03.1939 (Шанхай).
15. Радио-доклад помощника начальника Главного Бюро М.А.Матковского // Время. 03.01.1944 (Харбин).
16. Жизнь национальных колоний. Армянская // Время. 06.12.1944 (Харбин).

17. Вартананц Тон // Шанхайская заря. 20.02.1936 (Шанхай).
18. Вартананц Тон. На армянском национальном вечере // Новое время. 26.02.1944 (Харбин).
19. Труп европейца опознан // Шанхайская заря. 17.10.1930 (Шанхай).
20. Ночлежная статистика // Новости жизни. 14.01.1926 (Харбин).
21. Скончался К.Х. Чакалян // Слово. 19.01.1939 (Шанхай).
22. Письмо заведующего отделом восточных народных республик ВОКС Н.Ерофеева уполномоченному ВОКС в Харбине А.М.Туманову о материалах для армянского клуба Харбина // Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сборник документов в двух томах. Под ред. В.С. Мясникова. – М., 2010.

CHINESE-ARMENIAN CONTACTS

Irina Minasyan

Resume

Coming in contact with China for ages, the Armenians have been immediate eye-witnesses and sometimes even participants of historical events, which happened in the country. This study sheds light on various aspects of activity of the Armenians: economic, cultural and social. It includes, for the first time, the names of the most prominent members of the community and looks into the roles and activism of the Armenians in social and economic life of China. The author thoroughly retraces the processes of the formation, growth, increase and decline of the Armenian expatriates in the country.